

84(2=630.1)
A285

*Аржан
Адаров*

**ВЫСОКАЯ
ЗЕМЛЯ**

280109

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Кол-во экз. пред. выдач _____

Вос. тип. Т. 1 млн. 5, 384--74

*Аржан
Адаров*

**ВЫСОКАЯ
ЗЕМЛЯ**

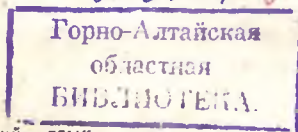
С Т И Х И

*Авторизованный перевод
с алтайского
Алексея Смольникова*

23

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1977

Родина поэта Аржана Адарова — горный край Алтай. Во многих стихотворениях о Родине А. Адаров передает поэтическое чувство неразрывности с родной землей, ее историей и современностью. Лирическому герою поэта, помнящему Великую Отечественную войну лишь по детским, по сильным впечатлениям, свойственны доброта к людям, доверие к их труду и к будущему. Возвращенный и сформированный нашей советской действительностью, поэт воплощает в живых образах дружбу и братство наших народов.

© Перевод на русский язык.
Издательство «Советский писатель», 1977 г.

ВЫСОТА

Над костром ли почным, над дневною тропой —
Здесь извечно открыт небосвод над тобой.
Даже в сон погружаясь, смежая глаза,
Ты витаешь мечтой в вышине голубой.
И в глазах твоих черных пылью золотой
Тлеют звездные дали над тихой землей
И до света, мерцая сквозь млечный туман,
Посылают лучи по орбите крутой.
Но земля повернет остывающий бок,
И оплавится вдруг над горами восток,
И, расправив свои огневые крыла,
Долгожданное утро спешит на порог...
И едва первый луч прикоснется к щеке,
Ты проснешься. Бормочет огонь в камельке,
И в раскрытых дверях улыбается мать
И сияет, как солнце, подоюник в руке.
Ты спросонок глаза протираешь скорей,
Будто чары небесных снимаешь гостей,
И бежишь из аила привычной тропой
По лугам за отарой ушедшей своей.
Две пригоршни росы —
И как не было сна:

Как вода ключевая, роса холодна,
И искрится в лугах голубая трава,
Будто звездная в небе ночном седина...
С детских лет, заглядевшись в простор голубой,
Я часами люблюсь его глубиной —
Сколько лунных ночей,
Сколько темных ночей
Отошло в бесконечность с тех пор надо мной!
Но чем дальше гляжу, тем ясней и светлей
Все живут они в памяти вечной моей —
И звезда, что в моих ночевала зрачках,
И огонь, от которого сердцу теплей.
Дети гор и таинственных высей сыны,
Мы в надоблачных далях на свет рождены,
Где, наверно, лишь песни рождаться должны.

* * *

Я их скажу, высокие слова,
Тебе, народ, принявший нас в семью.
В глаза гляжу — чиста их синева,
На землю обращенная мою.

Ты дал и мне могучий свой язык
И поделился мудростью своей,
И к языкам обоим я приник,
Счастливым сын двух добрых матерей.

Ты с пушкинской строкой пришел в аил,
Ты правдой Ильича нас окрылил,
О русский удивительный народ,
И вновь полны мы мудрости и сил,
Согретые лучом твоих забот.

Тепло души и дум высокий строй
Ты даришь пескудеющей рукой,
И, как и все сыны страны одной,
К тебе мы благодарности полны:

Ты стольким дал свободу и покой
И мзды не брал — свободе нет цены!

Не сыновья ль и дочери твои,
Подвижники, в углы глухие шли
И свет сердец и дружбы нам несли,
И умирали на краю земли,
Презревшие богатство и почет,
О русский удивительный народ!

Бросал Октябрь твоим глаголом клич,
Писал декрет твоей строкой Ильич,
О вечный, удивительный народ.
Недаром образ матери встает,
Когда тебя пытаюсь я постичь.

Ты точно мать одной большой семьи,
Где лад и мир — старания твои.
Пусть разнолик, разноязык твой дом,
Но привечаешь всех ты за столом,
Сама лишь сесть забудешь иногда,
Но сколько счастья в облике твоём!

Не ищешь ты ни славы, ни даров,
Но пред тобой я шапку снять готов,
Скажу лишь: «Мама, мой родимый кров», —
И вновь тебя, Россия, узнаю.
Всегда мудра, добра и широка,
Все беды отвела твоя рука,
Свела в одну великую семью
Все племена и родину мою.

Ты сердцем щедр, ты добротой велик,
Согретый дружбой, верить я привык:
Не угасает жар твоих забот.
И верю я — всю землю обоймет
Любовь твоя, о русский мой народ!

СОСНА

Зеленая тайна, лесная сосна,
То шепчется с небом, не слышу я слов,
То каждую веточкой ловит она
Невнятные звуки далеких миров.
Как нежен, как ласков твой голос живой —
Не сердце ли шепчет в груди у меня?
Как долго ладонь моя пахнет смолой,
Как долго мне голову кружит, пьяня!
Зеленая сказка, огонь золотой,
Как людям себя отдаешь ты светло —
И кров, и ограда и в холод, и в зной,
И дом, и дворец, и живое тепло!
Иной человек и разумен на вид,
И кровь в нем красна,
И живет меж людей,
А в душу заглянешь — она не горит,
Безмолвного камня она холодней.
И греет та личность себя одного,
Ни с кем не делясь, никого не любя...
И быть я с тобою хочу оттого,
Что доброе сердце в груди у тебя.

Ты греешь — тепла
И ласкаешь — нежна,
Хоть дерево ты, а щедро и ясна.
Качает кудрявою кроной сосна —
Задумалась? Верит? Кивает она?
Ах, если б почаще мы были добрей
К деревьям и травам, к ручьям и цветам!
Качает сосна доброй кроной своей,
Волшебные слы поверяя ветрам...

НА БЕРЕГУ ИША

Я прожитые годы
Разделил пополам —
Скинул двадцать,
И стало мне двадцать опять.
Ах, как сладко в груди!
Миражи давних лет окружили меня,
Словно был я убит
И начал опять оживать.
Вон черемуха в белом цвету —
Не черемуха, девушка в белом наряде
Раскинула шаль надо мной,
Волшебную белую шаль,
Наделенную силой
Воскрешения мертвых.
Вон журчащий в лесу родничок,
Весь студеный, прозрачный и чистый —
Он наполнен живою водой,
Он все шепчет мне тайну бессмертья.
А кукушка,
Совсем молодая кукушка,
Что сюда залетела из сказки,
Кукует, кукует, кукует,

И я понимать начинаю,
Что смерти конечно же нет.
Легок и строен мой стан!
Сил и желаний избыток.
Лето меня обнимает,
Зеленым прикрыв плащом.
Но теплый июньский дождь
Смывает с меня постепенно
Проклятья врагов и упреки друзей,
И гром мне как вздох облегченья...

Милый берег Иша
В самом деле в черемухе весь.
Соловьи опьянели от песен,
И на галечник донный луна
Улеглась, улыбаясь,
И слушает трели.
Уж не в честь ли мою
В самом деле поют соловьи!
«С днем рожденья!» — мне шепчет мой друг
И бокал поднимает с улыбкой.
«С днем рожденья!» — поют соловьи
И сулят долголетье кукушки.

А всего-то и было —
Купались в реке при луне
И смеялись, как будто нам было по двадцать,
И верили: ждут нас счастливые годы.
Впрочем, в тягость ли жизнь!

Мы подставим плечо,
Если где-то споткнется товарищ.
Мы поднимем его,
Мы разделим с ним горе!

В трудный час мы на помощь придем
И наград не попросим за это.
Только б вечер такой,
Только б так вот сидеть у реки,
Слушать хор соловьев,
Улыбаться их радости дружно,
Сбросить с плеч все печали
И отдать себя этой вот — нежной и чистой.
Чтобы стало опять двадцать лет.
Чтобы кружку родник наполнял.
Чтоб светила луна
И товарищ тебе улыбался.

АРГОНАВТЫ

Может, манит и нас золотое руно?
Может, как аргонавт, ты покинул свой край?
Но не нам ли с тобою известно давно:
Не от слова ли «золото» слово «Алтай»?
Ищем вечное лето мы где-то порой,
Сколько гор обойдем,
Сколько бродим мы дней,
И, бывает, совсем не заметим, друг мой,
Что кедровая ветка в долине родной
Отогрелась на солнце и стала длинней,
Что девчонка с глазами косули степной
Стала девушкой — сыщешь ли равную ей!
Что мы ищем с тобою в безвестном краю?
Сном каким растревожили душу свою?
Все равно и у ласковых самых морей
Снятся кедры зеленые, запах ветвей,
И, как те аргонавты с бесценным руном,
Мы в родные края до рассвета придем,
Видя сердцем родные улыбки людей, —
Только станут они и милей, и родней.
И священной любовь,
И бессильней слова,

Лишь покажется где-то за синью морской
Легендарной Сумер золотая глава!
И по-новому ярки цветы и трава,
И под кровлей отцовской опять ты впервой.
В мире мало нас, очень нас мало, дружок,
Но как ярко пылает родной очажок!
И, однако, однако, опять за руном,
Точно те аргonautы, с тобой мы уйдем,
Но не с золотом чьим-то мешок привезем,
А с любовью к Алтаю
Вернемся в свой дом...

280107.

Горно-Алтайская
областная
БИБЛИОТЕКА.

ПЕСНИ КОМСОМОЛЮК

Снова вспомнилось детство мне —
Ночь. Луна. И песня в ночи.
Все звучит она в тишине,
Сколько раз ни проснусь — звучит.
Кто поет ее там, вдалеке?
Или это журчит река?
Или белые, налегке
Мчатся ветры издалека?
Ночь бела и луна кругла
Смотрит в круглые мне глаза.
Как ночная звезда, светла
На ресницах моих слеза.
— Мама, кто поет по ночам? —
Тормошу я, не в силах спать.
— Комсомолки, девчата там, —
Мне из тьмы отвечает мать.
Это верно: девичий хор,
Парни все на войне давно.
И плывет эта песня с гор
На щемящей волне в окно.
Голубой лепесток огня —
Как трепещет в ночи она,

Как тоскует она, звеня,
Как мне долго она слышна!
Молотилок невнятный стук,
Шепот веялок, скрип колес,
Загремели телеги вдруг —
Хлеб для фронта повез обоз...
Может быть, только плуг и знал
Теплоту ваших нежных рук,
Только ветер и целовал
Губы пламенные подруг.
Обнимали парни не вас —
Землю выжженную войной.
Где-то в танках их жег фугас,
Где-то шторм их хлестал волной.
Только разве и в смертный час
Не любимую вспомнишь вдруг —
Глубину единственных глаз,
Теплоту единственных рук!
Если мимо летел свинец —
Это вы его отвели,
Это сила ваших сердец
Поднимала парней с земли.
Комсомолки военных лет,
Героини военных дней,
Вас надежней на свете нет.
В мире не было вас верней!
Имена б ваши звездам дать,
Дать бы самым красивым цветам,
Песни б звонкие посвящать,
Дорожке подруги, вам!
Слышу, слышу я вновь и вновь
Песни ваши сквозь все года,
И великая ваша любовь
Очищает меня всегда.

* * *

*Светлой памяти
Бориса Арсентьевича Бассаргина*

Есть сердца, что темны, как тюрьма,—
Умирает в них белый свет.
Есть, как юрты, сердца,
Как дворцы, как дома,
Где всегда тебя ждет привет.
Было схоже сердце твое с цветком,
Выбежавшим на утренний луг,
Или с колючим-колючим кустом,
И вот замолчало вдруг.
Телефонную трубку ты взять не смог,
Крикнуть «Здравствуй!» в ответ.
Опоздал мой звонок —
«Он умер, его уже нет...»
И сердце мое пронзил кинжал,
От острой боли я зубы сжал,
Я хотел сказать тебе много добрых слов,
Но я опоздал.
Если б я сказал те слова,
Может, были б сильнее лекарств они.

Может, жил бы ты больше на год или два,
Ну, хотя бы па месяцы или дни.
Я тебе те слова сказать не смог,
Что уж тут говорить!
Значит, кто-то и мне не вернет долг
И будет, как я, грустить.
Доброе слово бессмертья не даст,
Но жизнь от него полней и длинней.
А разве это мало для нас?
Не жалейте, друзья, доброты для людей!..

В этом городе славном, где шумен люд,
Я хожу теперь одинок.
Все мне кажется — слышу то там, то тут
Твой затейливый говорок.
Русский гость из страны мудрецов,
Мир вокруг так велик.
Табуном деревенских алтайских юнцов
Кто тебе заниматься велит?
Может, жалко стало тебе ребят,
Чьих отцов ты водил в поход?
Может быть, мой погибший отец-солдат
Завещал не забыть сирот?
Ты вихры нам пригладил тогда рукой:
«Что же, мальчики, исполать!
Приезжайте в Москву за мной,
Буду вам помогать...»
Вот с тех пор ты и сбил нас в круг.
Был ты добр. И суров иногда.
Был учитель, но больше друг —
Дружбой жили мы все тогда.
У тебя прямо те учась,
Не хотели хитрить и льстить —

Честь мерилом стала для нас,
Остальное могли простить.

...Мы из дымных аилов пошли за тобой,
Был ты нашим поводырем.

«Что ж, мальчишки,— ты нам говорил
порой,—

Мы свою высоту возьмем...»

Сердце щедрое билось в твоей груди,

Русской полное доброты.

Жаль, что нет тебя впереди,

Что угас, точно пламя, ты.

Вот люди куда-то спешат по своим делам,

Нескончаем поток людской,

Пляшут огни вечерних реклам,

Вечен шум городской.

Но я слышу твой голос, как будто мы рядом
идем,

Будто он в пространстве разлит:

«Не горюйте, мальчишки,— мы свою высоту
возьмем!» —

Сердце мое стучит.

СЕРГЕЕВНА

Хранитель преданий былых,
Чудесница трав полевых.
Ведунья, колдунья, вдова,
Какже ты знала слова!
Пред печкою старою став,
Шепча над своим чугуном,
Варила ты зелье из трав,
Творила молитву тайком.
И в ветхой избенке твоей
Все банки да склянки, горшки,
Как будто алхимик — ей-ей! —
Толчет тут свои порошки.
Согнулась по старости лет,
Лишь голос, как струнка, поет
Да в ласковом взгляде привет, —
Монашка ли, ведьма живет?
«Лекарка», — прошепчет сосед.
«Колдунья», — поправит другой.
Никто не сочтет, сколько лет
Шептались у ней за спиной.
Когда-то был мал я и хвор,
И мама, подумав — конец,

Пришла к той старушке во двор —
Спаси, мол, погибнет малец.
«Сергеевна, может, травой?
Святая ль ты, ведьма — молю...
Нечистый, наверно, какой
Вселился в кровинку мою».
Она не заставила ждать,
Давала мне травы сперва.
Водой принялась обмывать,
Шепча заговора слова.
«То соки родимой земли,
Ты пей их, сынок, не робей,
Чтоб травы тебе помогли —
Они колдовства-то верней».
А мама вздыхала порой:
«Сергеевна, чем отдарю?
Вот сыру возьми-ка с собой.
Хоть кислый, — возьми, говорю...»
Бывало, алтайки в тот дом
К ней в дверь постучат, не дыша, —
Всех встретит по-русски, добром
Старушка, святая душа.
И нету в словах колдовства —
О травах они, о цветах,
И добрая суть естества
Заронится в чистых сердцах.
Сергеевна вечно в горах —
То травам поклон, то листкам.
Чего она ищет в лугах?
Чего она шепчет цветам?
Живая ль вода ей нужна,
Ведет ли там с господом спор?
Не тайну ль бессмертья она
Надеется вырвать у гор?

Но вечная жизнь не для нас,
Нет жизни за смертной чертой.
Настал и Сергеевне час
Тихонько уйти на покой.
И только в сердцах у людей
Все добрая память жива:
То шепчет ей тайны трава,
Что были доступны лишь ей.
То где-то бормочет ручей,
Доносит мне голос ее.
О добрый целитель людей,
Светло предсказанье твое.
И память, тиха и светла,
Хранит мирный свет твоих глаз.
Как будто ты с тем и пришла,
Чтоб высветлить этот рассказ.
Ты знаешь бессмертия ключ,
Ты мудрая мать всех людей,
Ты шла по горам, точно луч,
Срывала цветы меж камней,
Чтоб смертных людей врачевать,
О добрая русская мать.

ДЕРЕВЕНСКАЯ КУЗНИЦА

Усталый и потный вернулся мой брат,
От горна под вечер пришел он домой.
Тяжелые руки недвижно лежат,
Сидит за столом, как железо, немой.
Он мастер железа, волшебник огня,
Он каждому пужен в деревне своей:
Ракеты к Венере летят, а коня
Какой институт подкует для людей?
С утра до заката весь день у него
Без устали молот тяжелый взлетал,—
Не в домне, а в маленьком горне его
Белеет и гнется послушный металл.
Крестьянская кузня, задымленный кров,—
Не здесь ли берешь ты начало, прогресс?
Не вам ли, прапращурь новых цехов,
Мой предок молитву творил до небес?
Крепчала веками, крута и права,
Рабочего воля в труде и борьбе,
Пока зазвенели железом слова,
Чтоб ими Октябрь заявил о себе...
Ах, брат мой, тяжелые руки твои,
Они как баллада, как песня, как гимн.

О чем ты молчишь, говори, не таи,
Окутанный дымом табачным тугим?
Тверда и медлительна речь твоя, брат.
Слова точно гвозди — не вытянешь зря.
Они будто в пламени горна лежат,
Пока, золотые, не вынешь, даря.
Крестьянская кузня, далекий аил,
Синеет над горном флажок огонька...
Не так ли под сердцем я песню носил,
Чтоб молнией вдруг полыхнула строка...

МЕСЯЦ ГОРНОГО БАРАНА¹

*Петру Кордоеву,
председателю колхоза*

В том краю, где туманны морозы зимой,
Ты живешь среди вечных забот и хлопот.
За аилом твоим горы синей стеной,
Где зверье по сугробам узоры плетет.
Рано утром в конторе дымок папирос,
В коридоре витает махорочный дух:
Все, кто руки имеет, — чесальщики коз,
Чешут легкий, как вата, предмартовский пух.
Мягким золотом пух этот кто-то назвал.
Знаменитые шали — с Алтая они.
Он красавиц лебяжье плечо согревал.
Говорят, парижанки в ту шаль влюблены.
Здесь зима холодна — то мороз, то пурга,
А в июне всю степь выжигает жара.
И выходит, что жизнь чабана нелегка,
И выходит, не спишь ты, мой друг, до утра.
Ох, и долгой ночная покажется тьма,
Если сон до рассвета ресниц не смежит:

¹ Месяц горного барана — февраль (по алтайскому календарю).

Люди, овцы, окот, холода и корма —
Вереница забот все бежит и бежит.
Так вот жизнь и идет от забот до хлопот
То в горячей степи, то в холодных горах.
То февральская вьюга всю степь заметет,
То промерзшие камни торчат на полях.
Иней выпьет ресницы и ворот забьет,
Словно пыль ледяная морозной звезды.
Может, кто-то суровым наш край назовет,
Но земля здесь прекрасна и люди тверды.
Золотые сердца у моих земляков!
Я запомнил тот вечер, твой дальний колхоз,—
Пионеры мне столько дарили цветов,
Что, казалось, я поле с собою унес!
...Мне взгрустнулось сегодня по вешним
ветрам,

По просторам, где Чуйского тракта полет,
По оранжевым сказочным нашим горам,
Где я знаю на память любой поворот,
Где живешь ты, могучих архаров сосед,
Попечитель высот, покровитель зверей,
На бессменном посту столько зим, столько лет,
На высоком посту меж людей, для людей.
Пусть от слов моих легких, от искренних строк
На душе твоей станет светлее, друг мой.
Человек своим делом на свете высок.
Я хочу, чтобы счастье дружило с тобой.

КОНЬ

Век коней да конниц,
Говорят, истек.
Говорят,
Ракетам
Наступает срок.
Но коням, что им
Молнии орбит?
Конь мотнет гривой —
Сам летит!
Лишь закусят крепче
Удила —
С тетивы звонкой
Мчит стрела!
...Говорят, крылаты
Мы с тобой:
В стратосферу рвется
Суперзвуковой.
Это верно — скорость,
Век такой.
Только к гриве шелковой
Мне б щечкой.

Чтоб губой мягкой
Ткнул в ладонь,
Чтоб из-под копыта
Бил огонь,
Чтоб в пути долгом
Через перевал
Головой кивал мне —
Отвечал...
Кони мои, кони,
Век ракет.
А в глазах тает
Теплый свет...

РУЖЬЕ

Ружье кремневое, о чем
Молчишь ты, старина?
За чьим качалось ты плечом,
Где было до меня?
Ты пережило столько лет,
Кто мастер тульский твой?
Давно уж стерт узорный след
Руки его живой.
Как ты попало к нам?
Купец
Привез в суме своей,
Отдав кому-то наконец
За черных соболей?
Казак ли выронил лихой,
Сраженный здесь стрелком?
Рассказывают, прадед мой
Владел таким ружьем.
Наследник деда и отца,
Тебя ли я обрел?
В стволе таится дух свинца,
Хоть ржа пятнает ствол.

Свидетель пугачевских лав,
Все грозен ты, старик.
Стою, приклад к плечу прижав,
Щекой к тебе припик.
Вон красной меди огонек —
Прицел. И темь вокруг.
«Ну, хорошо ль ружье, сынок?» —
Отцовский голос вдруг.
Глухой, далекий, он как гром
Раздался падо мной,
И щеки вспыхнули огнем,
И встал меж мною п ружьем
Отец погибший мой.
Когда отец тебя держал,
Ружье, блестело ты.
Не раз твой гром в горах снимал
Марала с высоты.
Он не пришел с войны домой.
Уж тридцать лет тому.
И не прижметя он щекой
К прикладу твоему.
Что до меня, я не стрелок,
С пером дружна рука.
Пускай живет марал, дружок,
Ты отдохни пока.
Приклад поглажу я порой,
И станет мне светло,
Как будто чувствую рукой
Отцовское тепло...

РЕЧКА КАЛЬМИУС

Капитану Такше Кукуеву

Под названием странным
Века
Все течет по степи река.
Речка Кальмиус — кто-то ее назвал.
Может, это древний Каял?
В тихий Дон погрузив шелом,
Пили витязи здесь не раз.
И алтайских парней моих
Нанюшл он здесь в грозный час.
Капитан Кукуев Такша,
Каярлыкский¹ товарищ мой,
По твоим мостам, говорят,
Наши танки пошли тут в бой.
Сколько ты наводил мостов
В этих сальских стених краях?
Сколько раз отбивал врагов,
На земле погибал и в волнах?

¹ Каярлык — село в горном Алтае.

Ошибается раз сапер,
Смерть в ладонях своих держа.
Он коварен, чужой минер,
Как ты смерть обманул, Такша?
Стень горела в огне боев,
Терриконы кругом во мгле.
Много славных твоих бойцов
Полегло на донской земле.
Как Алтай, дорога она,
Эта стень, что ты защищал.
Всюду кровная связь видна —
Древний Кальмиус или Каял.
И саперный тот каштан,
Не забыл он еще, Такша,
Как ты воду из Дона пил,
Каску, точно шелом, держа...
Все бывало в дороге, брат.
Ты прошел ее до конца.
Ты пронес в чистоте, солдат,
Званье доблестное бойца.
Презирал ты, вступая в бой,
Смерть, что всюду расставил враг,
Точно мины в траве густой,
Стережущие каждый шаг.
Древний Кальмиус или Каял стеной,
Как далек от Алтая ты!
Небо сильнее над тобой,
В белых-белых цветах сады.
Что ты шепчень в степной тиши,
Камыша растревожив сон?
Вспомнилась лицо Такши,
Как к тебе наклонялся он?
Покачнуло лицо волной —
Потный-потный пришел, ныля! —

Терриконики за спиной,
Нашпигованы смертью поля...
Нелегка ты, судьба солдат,
Только помыслы их — чисты.
Сколько мни затаилось, брат,
На солдатском твоём пути!
Ты пройдешь через край степной,
Разминируешь все поля,
Чтобы тем, кто пойдёт за тобой,
Улыбалась светло земля...
Вот брожу над рекой, не спеша, —
Это Кальмиус или Каял течет, —
Были биты враги, Такша!
Солнце ласковое печет.
Надо мною весенний день,
Предо мною вся степь ясна...
Я прошу: ордена надень,
Капитан, надень ордена!

СОН

Было больно — ни разу не охнул: «Отец!»
Было страшно — ни разу не крикнул: «Отец!»
Было трудно — ни разу не плакал: «Отец!»
Только знал,
Что есть слово такое — «отец».
А кому б я сказал, малец,
Это слово?

Что такое случилось сегодня во мне?
Только ночью кричал я сегодня во сне:
«Папа! Папа!»
Был разрушенный город, объятый огнем,
И не знал я, где я,
И не знал, где мой дом.
И уходит на запад последний отряд —
Лишь качанье штыков,
Лишь молчанье солдат.

Я узнал его сразу.
Я бросился в строй,
За шинель ухватился:

«Отец, ты живой?!»
Но отец уходил, молчалив и высок,
Только тихо сказал:
«Опоздал ты, сынок». —
«А когда вы вернетесь?»
«Куда вы сейчас?» —
«Опоздал ты. Никто не вернется из нас».

И пошел на закат
Молчаливый отряд,
И дрожала заря
На штыках у солдат,
И горели вдали города, города,
И я понял, что я
Опоздал
Навсегда...
«Папа, папа, постой!» —
Я бежал вслед за ним.
Но шагали бойцы,
Точно тени, сквозь дым,
И никто не хотел обернуться назад,
И горел впереди молчаливый закат.

...Что случилось со мною?
Тоска ли моя
Унесла меня вдруг
В те года, в те края,
Что живут, словно тени, в потемках сердец,
Чтобы встретиться где-нибудь
Нам наконец.

Я проснулся.
Как дорог мне сон мой почпой:
Хоть во сне, мой отец, побывал я с тобой.

Карандаш я сжимаю,
Смотрю на листок:
«Опоздал я, отец». —
«Опоздал ты, сынок».

ДЕРЕВЬЯ

Вдоль дорог молодые деревья степой,—
Здесь когда-то отцы уходили в поход.
Не замена ли им молодой этот строй,
Этот лес, что тридцатое лето растет?

В год победы они были ростом с меня.
Я теперь достаю лишь до первых ветвей.
Ах, погодки, о чем вы, листвою звеня,
Над дорогой шумите моей?

Вы как будто спешите тройой полевой
Вдоль колонны идущих дорогой бойцов,
Как когда-то и мы провожали гурьбой
На войну уходящих отцов...

Узнаю вас, друзья, и приветствую вас:
Здравствуй, лес молодой!
Здравствуй, юность моя!
Вы уже точно рота на марше сейчас,
Уходящая рота моя...

Мы подростками были в далекий тот год,
И бежали мы вместе тропинкой одной.
Чья-то юность иною дорогою идет —
Зашумит ли листва над дорогою той?

Вот я вижу ваш строй на тропинке моей —
Не отцы ли вернулись на землю свою?
Осадили гривастых алтайских коней,
Эскадрон к эскадрону застыли в строю.

Нет, отец не погладит вихры мне рукой,
Только веткой береза коснется едва,
И к листве, как к руке, вдруг прижмусь я
щекой —
Ах, как пахнет смолой у березы листва!...

Если вновь протрубит над странною беда
И придется однажды седлать нам коней,
Дорогие деревья, придите сюда,
Над дорогою встаньте моей!

В ДОМЕ УРАСТЫРОВА

Старший брат мой Кюннюк Урастыров
мудрец,

Сам ввучку качает одной рукой,
Сам вино разливает другой рукой,
Сам песню поет — древнюю олонхо.
То улыбнется ребенку — песня ему,
То к нам повернется — нам дивный рассказ.
В одной руке кубок,
В другой дитя,—
Он в доме своем точно древний бог,
Заботящийся о нас.
Как ни лют мороз,
Как ночь ни долга,
Таких витязей не собьешь с ног,—
Кто путь измерит, что вы прошли
От Байкала-моря до полярной земли!
Чтоб пешком обойти ваш Якутский край,
Человеку не хватит жизни одной.
От яств богатых прогнулся стол —
За столом сегодня Алтай голубой.
Мы сидим и слушаем древние слова,
Мы забыли их, растеряли давно:

«Наполняйте бокалы, пейте вино»,—
Говорит витязь, седая голова.
А может, это молвил Урастыров сам,
Поднимая древний золотой бокал?
Я смотрю в оба на землю друзей,
Никогда в Якутии я не бывал.
Я стихам якутским внимаю как во сне,
И видней становится братьев страна —
Белые олени белы как снег,
Океана синего холодна волна.
Или меня гуси на крыльях несут
Над тайгой зеленой, над синью озер,
И от взмаха крыльев ветер в лицо,
Прохладный ветер с зеленых гор...
А за окном березы белым-белы,
Где тут полюс холода — юга теплей!
Старший в доме Кюннюк — Владимир
Михайлович,
Радушный и мудрый, угощает гостей.
Весь литой из бронзы, как древний наш бог,
Сердечной улыбкой лицо озарено,
Поэт известный, отчества сын,
За столом дружеским разливает вино.
Он в своем доме как караван-бажи¹ —
В одной руке ребенок,
Бокал в другой,—
Как начало жизни, ее торжество
Урастыров мудрый, певец седой.

¹ Караван-бажи — начальник каравана.

ЧУРАПЧА¹

Голубое стекло озер
В дорогой оправе лугов.
Точно птицы, взлетев с воды,
Мчатся кони во весь опор.
Пламенеет на их хребтах
Незакатного солнца шар,
На оленьих крутых рогах
К океану уйдет пожар.
Точно снег, журавли белы, —
Брачных танцев у них пора,
И скользит у них по крылам
Луч вечерний, как кровь, горя.
В чороон — деревянный бокал —
Разливая кумыс хмельной,
Шепчет женщина нам: «Айхал!»²,
Опуская взор огневой.
Древний-древний папи общий слог
То понятен, то незнаком.
Впрочем, все объяснить помог
Этот взор ее с огоньком.

¹ Чурапча — райцентр в Якутии.

² Айхал — привет (якутск.).

Ясен лик чурапчинских озер —
Рядом с солнцем в волнах луна,
И танцуют якуты йохор¹,
И прозрачна берез белизна.
Жарок летнего солнца круг —
Ледяная земля парит,
И деревья танцуют вокруг,
Дружно ветви подняв в зенит.
Горячи здесь сердца людей,
Тот, кто холоден, — не жилец:
Бесконечную тьму ночей
Озарит лишь огонь сердец.
Так поднимем кумыс хмельной —
Кубок к кубку, к руке рука,
Незакатное над землей
Светит солнце нам сквозь века!
Не кончается пир друзей.
Солнце кони по тундре мчат,
В гривах бьется клубок лучей,
И не близок его закат.
И луну на ветвях рогов
Дерзко вскинул олень в зенит,
И, ломая громады льдов,
Далеко океан гремит...
Незакатного солнца край,
Негасимых сердец страна,
Бесконечных ночей земля
Их сердцами освещена!
Только вспомню я о друзьях,
Вижу солнечные лучи,
Вижу — лебеди на волнах
Голубых озер Чурапчи...

¹ Йохор — национальный танец (якутск.).

ДУМА У МОГИЛЫ АБАЯ

Есть великие люди в народе всегда —
Полководец, ученый, мудрец и поэт,
Есть святыни — могилы, дворцы, города
И народный вожак, славный тысячу лет.
Имена их как звезды горят впереди,
Имена их — знамена в нелегком пути.
Это Пушкин у русских,
У казахов — Абай,
А какая звезда над тобою, Алтай?
Есть курганы у нас среди луных долин,
Есть могучие горы в сиянье седин,
Письмена, что забыты за давностью лет.
Бесконечных кочевий затерянный след.
Кто под синим курганом в земле погребен —
Храбрый воин, поэт или древний пророк?
Нет земли без поэта, без песни времен —
Даже камень поет, красотою пленен...
Был однажды я гостем казахских степей,
Был я счастлив и горд в окруженье людей,
И казалось, лишь степи сравнятся могли
С широтою души моих добрых друзей.
Было знойное лето, и солнце пекло,

У простого мазара¹ один я стоял.
Как обычный чабан похоронен Абай,
Тот, кто с жадностью, с ложью всю жизнь
воевал!

Чтобы ветер не выдул с могилы земли,
Положили на холмик щербатых камней,
И шуршат над могилой его ковыли,
Будто шепчут слова, что он пел для людей...
Я не знаю, нужны ли здесь бронза и медь,
Если травам строкою Абая звенеть.
Если звезды горят над могилой певца,
Чтоб нетленное сердце поэта согреть!
Песнь Абая, ее ль не поют до сих пор?
Плач Абая, его ли не чтут до сих пор?
Речь Абая, она ль не урок до сих пор?
Стих Абая не учат ли впрок до сих пор?
Как и прежде, здесь ветры степные весной
Гладят холмик поэта горячей рукой,
И джигиты с строкою его на устах
Мчатся степью широкой на быстрых конях...
Есть великий у каждого племени сын:
Токтогул у киргизов,
У казахов — Абай.
Знаю, не был ты беден невцам, Алтай,
Только имя свое не назвал ни один.
Безразлична ушедшим хвала и хула,
Сам рассудит народ, кто велик и кто мал,
Лишь бы боль за людей в твоём сердце жила,
А хорошую песню народ не терял.
Обойден даром слова ты не был, Алтай.
Это горы молчат,
А народ — он поет.

¹ М а з а р — могила (казахск.).

Точно соколы, песни уходят в полет,
Я посланец тех песен, великий Абай.
Настоящая песня отыщет свой путь.
Я стою у великой могилы твоей.
И слова новых песен взрывают мне грудь
С каждым вздохом сильнее,
С каждым часом ясней.

ГОЛОС ДОМБРЫ

Когда даль гудит степная
От копыт, как от грозы,
Гул на струнах оседает
На домбре Курмангазы¹.
Занесут песками ветры
След несчитанных копыт,
Лишь мелодия бессмертно
На струне домбры дрожит.
Эта музыка простая
Все звенит в моих ушах,
Будто юрта кочевая
На семи плывет ветрах...
Мы сидели в юрте тесной
У казаха-чабана,
На домбре играл он песни,
Ах, как плакала она!
Будто издали накатит
Топот тысячи копыт,
Юрту легкую подхватит
И внезапно замолчит.

¹ Курмангазы — казахский композитор XIX века.

Ах, домбра, сестра родная,
Не тошур¹ ли слышу я?
Будто мы в горах Алтая,
Будто все — родня моя.
Да и то, не вместе ль с вами
Мы стояли тут порой,
Чтоб булатными мечами
Вражьих полчищ встретить рой!
В этих битвах распаленных
Мы давно сроднились тут:
Там, где кровь багрила склоны,
До сих пор цветы цветут.
Рог трубил в горах Алтая —
Были мы малы числом, —
Братьев в помощь призывая,
Отстояли мы свой дом.
Оттого и сердце бьется
И роса блестит в глазах.
Когда струн домбры коснется
Друг испытанный казах,
Когда даль гудит степная
От копыт, как от грозы,
Вольный ветер оживает,
Гул на струнах оседает
На домбре Курмангазы.

¹ Тошур — музыкальный инструмент (алтайск.).

КАВКАЗСКИЕ ГОРЫ

Две сестры — две вершины твои, Эльбрус,
В синем небе белеет их белый убор.
Я привез им привет от Алтайских гор,
Я с горами безмолвный веду разговор.
Как гранитного моря застывший прибой,
Белогривые горы за валом вал.
Все мне кажется — Пушкин стоит над скалой,
Точно крылья орлиные, плащ за спиной,
А в дубраве зеленой у ног Машука
Где-то Лермонтов, мстительной пулей сражен,
Долгим взглядом с Кавказом прощается он,
И никак не растают в глазах облака...
Дорога и страшна эта плата царям
За свободную речь, за проклятье цепям, —
Как сквозь строй, непокорным пройти сквозь
хулу

И великим
Навеки остаться векам!
За столетьем столетье идут чередой,
А поэзия ваша слышней и звучней.
Не о вас ли задумался гордый Кавказ?
Вы любили его до конца своих дней.

Край бессмертных, обитель поэтов и муз!
Как к святыне, к скале прикоснется ладонь,—
Не на ней ли страдал за людей Прометей,
Подаривший землянам небесный огонь?
Не сюда ли шагал непокорный иной,
Чтобы кануть в безвестье юдоли земной?
Но не ты ли, Кавказ, врачевал их порой
Вольным ветром своим и своей высотой?
Звал их к новым вершинам и силы вливал,
Чтобы были крепки, как грапит этих скал,
Над ослабшими песни свои напевал.
Эти песни, Кавказ, все звучат надо мной!
Узнаю твоих гениев дивных следы,
Их стихи, их заветы, как горы, горды.
Край певцов и поэтов, спасибо тебе,
Будем в жизни и мы, точно горы, тверды!
Видя скалы твои, говорю я порой:
Ты не брат ли Алтаю своей высотой?
Те же тропы у нас, только бродит марал,
Те же песни, немало Алтай их создал.
И в горах моих милых, в дали голубой
Слышны песни кайчи¹, их папав вековой.
Где поэзия легкой ступает ногой,
Вырастают цветы под волшебной стопой.
И когда-нибудь, верю, придет этот час,
Народится великий поэт и у нас,
И тогда, мой прекрасный и древний Алтай,
Будет песней с тобой состязаться, Кавказ.
Потому-то, любуясь твоей высотой,
Вспоминаю все чаще Алтай золотой:
Будто вот поворот, и под цокот копыт
Пронесут паши парни папав дорогой!

¹ К а й ч и — народный сказитель, певец (алтайск.).

Что ж, прощай, мой суровый и гордый Кавказ,
Ожидают Алтайские горы назад,
Где я песне родной
И народу родной,
Потому-то гляжу на Эльбрус голубой,
А в ушах моих кедры звенят и звенят...

МОНГОЛЬСКОМУ АКЫНУ ИМАШХАНУ

Уж не рядом ли где-то в долине степной
Наши юрты стояли, мой друг?
Уж не рядом ли где-то над горной рекой
Мы костры зажигали, мой друг?
На широких ремнях мы носили мечи,
Стоя рядом, встречали врага.
И не раз разбегались от нас тагбачи ¹
Там, за Гоби, где степь широка.
Степь — как небо. А юрты — как птицы весной,
Лебединая стая в безбрежном краю:
Вдруг опустятся где-то на берег речной,
Чтобы осенью сняться в дорогу свою.
Мы, как птицы, степной оглашали простор,
То на юг, то на север неслись на рысях.
Только статуи в Гоби остались с тех пор,
Да узнай, где алтаец, а где тут казах...
В том году мы соплись у оранжевых скал,
Где священные Богды ² нас ждали века.
Каждый сердцем в тот вечер родство ощущал —

¹ Тагбачи — китайцы (древнетюркск.).

² Священные Богды — высочайшие горы в монгольском Алтае.

Что ж, прощай, мой суровый и гордый Кавказ,
Ожидают Алтайские горы назад,
Где я песне родной
И народу родной,
Потому-то гляжу на Эльбрус голубой,
А в ушах моих кедры звенят и звенят...

МОНГОЛЬСКОМУ АКЫНУ ПМАШХАНУ

Уж не рядом ли где-то в долине степной
Наши юрты стояли, мой друг?
Уж не рядом ли где-то над горной рекой
Мы костры зажигали, мой друг?
На широких ремнях мы носили мечи,
Стоя рядом, встречали врага.
И не раз разбегались от нас тагбачи ¹
Там, за Гоби, где степь широка.
Степь — как небо. А юрты — как птицы весной,
Лебединая стая в безбрежном краю:
Вдруг опустятся где-то на берег речной,
Чтобы осенью сняться в дорогу свою.
Мы, как птицы, степной оглашали простор,
То на юг, то на север неслись на рысях.
Только статуи в Гоби остались с тех пор,
Да узнай, где алтаец, а где тут казах...
В том году мы соплись у оранжевых скал,
Где священные Богды ² нас ждали века.
Каждый сердцем в тот вечер родство ощущал —

¹ Тагбачи — китайцы (древнетюркск.).

² Священные Богды — высочайшие горы в монгольском Алтае.

Будто в русло родное свела нас река.
Будто только теперь мы узнали, кто мы,
Темных распрей отбросив позор вековой.
Мы взглянули на мир, будто вышли из тьмы, —
Это Ленин нам солнце зажег над землей.
В этот вечер твой брат пригласил нас в свой
дом.

Ах, как славен был нир,
Ах, как дружен был хор —
И алтаец, и русский, казах и монгол! —
Наши песни в обнимку неслись выше гор,
Выше синих, оранжевых гор!
Мы форелей руками ловили, смеясь,
В быстрой горной реке, что летит, серебрясь,
И, вскочив на горячих гривастых коней,
Мчались с хохотом, ветра степного скорей!
Ах, Монголия! Я ли не видел степей?
Но приеду к тебе и гляжу, как впервой, —
Белоснежные юрты, как стайка гусей,
Что присели вдали отдохнуть под горой...
Есть немало в степи городов и дворцов,
Знаю храмы и добрых твоих мудрецов,
Но все чаще и чаще я вижу во сне —
Твои юрты белеют, как девственный снег.
Юрты ставят на время — метель переждут,
От пурги защитятся пенастой порой.
Но, как белое облачко, юрты вспорхнут
И унесутся вдаль, лишь повеет весной...
Что еще напишу я на белом листке?
Мой привет. Пусть его унесут журавли,
Чтобы, где-то кочуя в своем далеке,
Ты почувствовал нежность алтайской земли.
Пусть помашут крылами
Тебе журавли!

БРОНЗОВАЯ ДЕВА

Этот древний гранитный храм,
Высота поднебесных колонн,
Юных дев золотые тела
Тешат бога горячий взор...

Он плывет на золотой ладье,
Солнца Бог — Амоп-Ра,
Всем живущим дарует он
Радость жизни земной.
Девы, жрицы его, стройны,
Столько неги и ласки в них!
Бог с любимиц не сводит глаз,
Царь нисходит к ним по почам.
Девы-жрицы глядят со стен,
В дивном танце застыв навек.
И заброшенный древний храм
Повествует о давних днях.
С каждой фрески его видны
Дни былые, былая жизнь.
Пирамиды его белы,
Неподвластны они векам...

Снятся древние храмы мне,
Цокот мчащихся колесниц.

Страстный танец прекрасных дев,
Ублажающих Амон-Ра...

Я привез статуэтку с собой —
Жрица трепетно смотрит вдаль:
Ждет ли грозного бога она,
Фараон ли ей виден там?
А быть может, владыка-жрец,
Чья любовь жарче солнца жжет,
Чьи объятия страстны так,
Там приносит жертву богам?
Статуэтку держу в руке, —
Дева юная, кто она?
Не богиня ли красотой?
Не рабыня ли для услад?
Не она ли на ложе твоём
Задушила тебя, фараон?
Или только всю жизнь тебе
Поклонялась, безносый сфинкс?
А быть может, в царских садах
Проводила беспечно дни?
Или страсть к тебе, Эхнатон¹,
Помутила рассудок ей?
Я не знаю. Молчат века
О судьбе красоты ее, —
Услаждала ли взор богов,
Вдохновляла ль певцов простых?

...Будто эхо среди колонн,
Бродит песни далекой звук,
И над бронзовым алтарем
С трона дым следит фараон...

¹ Эхнатон — древнеегипетский фараон.

* * *

Из грохочущих, дымных, больших городов
Я вернулся на милую землю мою.
Я смотрю на пушистые крыши домов,
В переулке заснеженном долго стою.
А вокруг — моих гор чистота и покой,
Где-то чуткие лани бредут сквозь снега
И красавцы маралы стоят над скалою,
Молчаливую тучу поддев на рога.
Небом плечи прикрыв, мои горы молчат,
Только звезды мерцают над их сединой,
Будто слушает мир, как снежинки скрипят,
Ах, как громко снежинки скрипят под ногой!
Горы милые! Вьются дымки очагов,
Над безмолвными крышами мир и покой.
До околицы мира всего сто шагов,
Но живет она вместе со всею страной.
Здесь земля чабанов, моих братьев родных.
С неба звезд не хватают мои земляки.
Это верно, поскольку хватает земных,
Чтоб украсить героям свои пиджаки.
Только как ни милы тишина и покой,
Вдруг пригрезится: поезд зовет нас, гудя.

Нам взглянуть бы на Красную площадь порой,
Поклониться б хоть раз Мавзолею вождя!
То Кавказ позовет нас, то крымский прибой,
То Якутия кличет из дали своей, —
В век полетов и скорости сверхзвуковой
Стали ближе дороги и больше друзей.
Реактивная вьюга, чужда ль нам она?
Ах, как манит порою небес синева!
Хоть, конечно, милее для нас тишина —
Когда хрустнет — за сто километров слышна! —
Под копытцем косули сухая трава.
Когда снова усталый вернешься в свой дом,
Когда кедры родные обступят толпой
И маральник весенний воздушным пером
Каждый камень обводит чертой огневой...
Человечество путь свой торит сквозь века,
Не исчезнут и наши следы меж других:
Пусть твой голос не громок — душа высока,
Мой народ, ты оставишь в истории их.
...Вот и вновь мое сердце полно тишиной.
Где-то в землях иных городов голоса.
И опять я смотрю на Алтай голубой,
И от счастья блестит на ресницах роса.

ОКТАБРЬ

Вот и снова пришел ты, октябрь.
Белый снег и метель бела,
Над домами машут ее крыла,
Милый месяц октябрь.
И опять ты в плен меня взял —
Белой медведицей лег на мое крыльцо,
Пухлых белых сугробов воздвиг кольцо,
И под окнами белый кружит карнавал,
Мой снежный октябрь,
Мой снежный октябрь...
Полыхает в груди моей летний жар,
Осенние краски в глазах моих,
Только майских цветов разлитый пожар
Под снегом пушистым стих.
Пусть пурга во дворе кружит бела —
В доме моем хватает тепла
Для всех земляков моих,
Мой снежный октябрь,
Мой снежный октябрь...
Во главе белой-белой большой зимы
С красным знаменем встал октябрь.

Не в тебе ли победы минувших лет?
Не в тебе ли надежды грядущих лет?
Не в тебе ли радость всех сущих лет?
Дни разлук, ожиданий дни,
Занесенный снегами след,—

Мой снежный октябрь,
Мой снежный октябрь...

Затихает осенняя песня земли —
Где-то пыпче родные трубят журавли?
Опускается занавес снежный, касаясь век,
За окошком алмазный искрится снег,
И плывут, трепеща на ветру, вдали
Красные флаги — цветы земли,

Твои цветы, мой октябрь,
Гвоздики твои, мой октябрь...

Ах, как жарко от них в груди, октябрь,
Будто в сердце они расцвели моем,
Будто в молодость родины мы идем,
В день рожденья ее, октябрь,

Мой Великий Октябрь,
Мой Великий Октябрь.

ГОРДОЕ ИМЯ ТВОЕ

*Светлой памяти
Лазаря Кокышева*

Земля, на которой росли мы с тобой,
Зеленою снова покрылась травой.
А вон синеглазый подснежник босой
Качает, не видя тебя, головой.
Кукушки, как прежде, в лесу над рекой
Кукуют нам долгие годы с тобой.
Как знать милым штахам, что ты никогда
Уже не придешь их послушать сюда!
И травам зеленым, и синим цветам,
Откуда им знать, что не свидеться вам?

Зовет нас тропинка и горы зовут,
Как будто ты рядом, а нет тебя тут.
В горах чабаны и охотники ждут,
Вина молодого бокалы нальют.
Вино молодое, печально оно —
Нам выпить его без тебя суждено...

Растут над твоею могилой цветы —
Впервые цветам не поклонись ты.

И новая шепчет с могилы трава
Стихов твоих нежных простые слова,
И слышится, будто читаешь их сам
Высокому небу и синим горам,
И кедры могучие там, над скалой,
Качают, внимая тебе, головой,

И, словно вздыхая, цветок голубой
Стоит весь в росе над твоею тропой,
И где-то, как будто трубят журавли,
Звенят твои песни в туманной дали,
Звенят, уходя, чтоб проститься с тобой
И снова, навечно, вернуться домой...
Лишь сам ты, мой друг, не споешь никогда —
Кто думал, что смолкнешь совсем молодой!

Земля твоя грустью полна в этот час.
Ты даже не знал, что ты значил для нас!
Писал ты стихи, а оставил завет —
И нет им забвенья на тысячу лет,
Навечно с людьми остается их свет,
Как вечно в сердцах остается твой след.
И люди, несхожие с нами лицом,
Они унесут твои песни в свой дом,
И, верю, последний алтаец в горах
Твоим осенит себя добрым стихом!

Мы, сердцем горды и душою чисты,
Прошли, не теряя в пути высоты,
Не славу моля осенить нас крылом,
А души людей очищая огнем.
Нам муза была не рабой, а сестрой,
Когда мы искру высекали строкой.

Ты песню свою не донел до конца,
Никто за тебя не закончит ее,
Но вечна поэзия в наших сердцах,
Как вечно в ней славное место твое!

...Вновь солнице назавтра твой дом озарит,
Наполнятся радостью души людей,
И в школах ребята возьмут буквари
И встретятся с солнечной строчкой твоей.
Студенты за партой, в горах чабаны
С любовью откроют стихов твоих том,—
Слова твои мудрые людям нужны,
Пуускай они входят, как солнице, в их дом.
На небе поэзии нашей родной
Ты будешь светить нам высокой звездой.
Не плачь же, что жизнь твоя краткой была,—
Она не ушла, только стала иной.
Не бронза литая, не камень-гранит,
А в сердце

народ

твое имя хранит.

Ты памятник в сердце народа воздвиг —
Стихами твоими Алтай говорит.
И горы, которые ты восневал,
Не твой ли бессмертный они пьедестал,
И этот печальный алтайский цветок —
Не муза ль его положила у ног?

ЕСТЬ НЕПОНЯТНАЯ СВЯЗЬ

Если увидишь во сне —
Старая пала сосна,
Знай: помереть старику,
Верят в моей стороне.
Если приснится тебе
Юного деревца смерть,
Видно, совсем молодой
В мир отойдет иной.
Есть непонятная связь
Меж деревьями и людьми,
Словно одной судьбой
Связаны в жизни мы.
Мир вам, сосна и кедр,
Мир вам на сотни лет!
От колыбели свет,
До самого гроба — свет!
Вместе растем мы все,
Рядом умрем мы все,
Нам колыбель — сосна,
Гроб нам — опять она.
Песен людских слова
Шепчет берез листва,

Шепот любви моей,
Топот степных коней,
Эхо беды твоей —
Все отзовется в ней.
Где-то курган исчез,
Где-то костер погас —
Лиственницы стоят,
Помнят они о нас.
Вечно расти, мой лес,
Вечно шуми, листва, —
Где-то костер воскрес,
Где-то слышны слова.
Слышу я — лес поет,
Ветви опять шумят.
Значит, ты жив, народ,
В мире лишь они молчат.

СЛОВО, СКАЗАННОЕ ЛЮДЯМ

Не громок мой стих, не услышит весь свет.
Спасибо, что слышен Алтайским горам.
Не славен я, громкого имени нет,
И слово несу я своим землякам.
В одежды пророка рядиться смешно —
Что знаю в сравненье с тобою, народ?
И если мне что-то сказать суждено,
Мой стих это слово в тебе же берет.
Пришел я к тебе не из дальних миров —
Я плотью и кровью частица твоя.
Бывал во дворцах и под кровлей шатров,
Но всюду я помнил, чей сын и кто я.
Мы счастливы ныне, о чем разговор!
Но, люди, в грядущие гляньте века:
Нам жить на земле среди этих же гор,
Должна быть, как горы, душа высока.
Прекрасную долю дала нам страна,
Неужто не в погу пойдем со страной?
Нам мудрую книгу раскрыла она,
Ужель не осилим пауки земной?
Иной оробеет: мол, хватит ли сил?
А кто ему слабым остаться велит?

А кто ему к знанию путь преградил,
Какой на пути его камень лежит?
Не мне поучать вас, как жить меж людей,
Как выйти к вершине крутою тропой.
Но горько бывает порой за друзей:
Споткнулся один, испугался другой.
Не стать занимать нам ни сил, ни ума,
Пригоршнями черпайте мудрость наук.
И если к вершине дорога пряма,
То кто нас с тобой остановит, мой друг?
Немало дала нам родная страна —
И книгу, и цель, и пример храбрецов.
И счастья в пути пожелала она
Нам, вышедшим к свету из мрака веков...
Я знаю, негромок и скромн мой стих,
Но все же услышит его мой народ:
Без пышных словес, побрякушек пустых,
Он словом сердечным в анлы придет.
Иду не учить вас — послушать людей:
Пришелся ль мой стих, не живу ль в облаках?
Немало в горах моих славных парней —
Узнали ль себя в моих скромных стихах?

СОМНЕНИЕ

Порой сжигает душу мне тоска,
Стою как перед снежным перевалом:
То ль осень поздняя,
То ль ранняя весна?
Гнетет меня неясная она,
Трубит сентябрь — и лес объят пожаром.

Еще один отсчитан в жизни год.
Еще одна мечта моя угасла.
Мне снится кедр над Яйлагушем¹ властным,
Когда б хоть он сумел ответить ясно,
Что день грядущий в жизни мне несет!

Кто скажет мне, смогу ли одолеть
Тот перевал, укрытый снежной тучей?
Ах, родина, рукой своей могучей
Дай силы мне — хочу еще посметь!

Труби, сентябрь, вскинь свой вещий рог —
Пускай гуляет эхо над хребтами!

¹ Яйлагуш — горный перевал на Алтае.

Гори в груди, неистовое пламя,
Чтоб молнии ломались над стихами,
Чтоб слово в сердце раскалить я мог.

Не стой преградой, снежен и суров,
Мой перевал, дремучей скрытый тучей.
Ах, родина, рукой своей могучей
Дай силы мне, чтоб одолеть врагов!

ВЕСНА

Вот опять из-за синих гор
К нам весна опустилась в дол,—
Словно песня, горячий взор,
Словно луг, зеленый подол.
Остановится ль у реки,
Взгляд задержит на облаках —
Вспыхнут маки и огоньки,
Эдельвейсы цветут в горах.
В сердце взглянет мое в пути,—
Синий-синий, как небеса,
Колокольчик звенит в груди,
Будто утренняя роса...
Ах, весна, как прекрасен он,
Как понятен он мне без слов,
Вечный шелест твоих знамен,
Журавлей твоих трубный зов!
Все звенит кругом, все поет,
Молодеет мир, не узнать,
Только лет моих грустный счет
Не умешь ты обновлять.
Но придешь ты — и в сердце дрожь,
И душа опять молода,

Будто чуда какого ждешь,
Позабыв про свои дела.
Всякий рад тебе, млад и стар,
А особенно чабаны:
Столько в горы идет отар,
Будто тучи, стада видны.
Ах, весна моя, что со мной —
Все слова мои неясны.
Вон черемухам под луной,
Точно девушкам, снятся сны!
А в глазах твоих синий свет,
А шаги твои так легки!
И смущенно молчит поэт,
И цветут в строке огоньки...

АЛТАЙ

И вдали от тебя вспоминаю тебя, Алтай!
Точно камень бесценный,
Наполненный дымчатым светом,
Ты покоишься на груди планеты,—
То мерцают, то светятся, лучиком солнца задеты,
Твои грани, и песнею полнится грудь.
Иногда ты мне кажешься кедром могучим, Алтай,—
Тянешь ветви зеленые, вечнозеленый,
И касаешься звезд величавою кроной,
И, как струны топшура, вздыхаешь влюбленной
Каждой малой хвоинкой своей.
В жарком южном краю о прохладе твоей грущу,
А на севере дальнем твоей теплоты ищу.
Где б я ни был, твоих вспоминаю людей,
Об одном лишь мечтаю: вернуться к тебе поскорей,
Оказаться в объятиях синих гор.
Молчаливо склониться над ликом твоих озер,
Их коснуться губами, как любимой бездонных очей,
И упасть меж цветами, что огня горячей...
Мою милую землю, Алтай, обнимаю опять,
И не в силах никто от Алтая меня оторвать,
И смеюсь я от счастья, и слез не умею скрывать,
И судьбе благодарен, что здесь родила меня мать!..

ЛЕТО

Тихий-тихий зеленый гуд,
Точно песня издалека,
Точно кедры в горах метут
В небе серые облака.
Над туманами шум ветвей,
Под туманами стук копыт,
Там трава сейчас — нет сочней,
Там стада сейчас — нет тучней.
Чабаны мои, земляки,
Точно горы, высок ваш труд,
Хоть вершины здесь высоки,
До небес порой достают.
Мой родной кочевой народ,
Сколько ж надо любви и сил —
Под чертою, где вечный лед,
Снова вижу я твой аил.
Я гляжу на твои луга,
За годами бегут года,
Что белеет там — облака?
Или это овец стада?
Там такие цветы порой —
Всадник скроется в них с конем.

Там в росинке твоей любой
Полыхает солнце огнем.
Но аил не заброшен твой,
Держит крепкую с миром связь:
Слышен голос Москвы родной,
Значит, помнит столица нас:
И известного чабана,
И поэтов, его друзей,—
В наших судьбах отражена
Не судьба ли страны моей?
Мы откроем объятия гор —
Приходите к нам в добрый час!
Мы расстелем лугов ковер,
Чтобы дружески встретить вас.
С перевалов навстречу вам
Мы протянем руки скорей,
Оседлаем тотчас гостям
Самых лучших своих коней.
По обычаям вековым
Мы вам всем молока нальем,
Всех вас встретим и угостим
Мы в радушном кругу своем.
Лето милое — даль чиста,
Хорошо тут в горах у нас.
Упадет на траву звезда —
Превратится в цветок тотчас.
А под вечер вспорхнет — и прочь,
И мигает с небес светло.
Точно вздох, коротка здесь ночь,
Чтобы солнце скорей взошло.
Всходит солнце над головой —
Сразу дали кругом ясны.
Будто смысл ключевой водой,
От ресниц отлетают сны.

Лишь клубится туман густой,—
Будто трубка по кругу гор!
Чтобы ночью упасть росой
На притихший лугов простор.

ОСЕНЬ

Осень бронзой звенит,
Огненный холм точно храм,
Желтые смотрят в зенит
Свечи осин по горам.
Только и зелен наряд
Кедров у кромки снегов —
В инее знобком стоят
Кедры в краю облаков.
Правят на юг журавли,
Гуси ночами летят.
Где-то — счастливо! — с земли
Вслед им мальчишки кричат.
Тронка твоя как во сне
Желтой прикрыта листвою.
Вспыхнут цветы по весне
Там, где прошли мы с тобой.
Золото рдеет в лесах,
Небо синее, как снег,
Горы стоят в поясах
Звонких серебряных рек.
Песни летят вперебой —
Свадьбы справляют окрест.

Парни, как прежде, гурьбой
Едут, чтоб выкрасть невест.
Шапки с кистями на всех
Сдвинуты лихо к бровям.
Лунною ночью их смех
Долго звенит по горам.
Что ж, что невеста не прочь —
Выкрасть велит ритуал!
...Окна распахнуты в ночь.
Сколько же дней я писал?
Рифмой звенел под пером
Каждый опавший листок.
Горы мои за окном,
Как покидать я вас мог?
Как оставлял я свой дом,
Вас забывая порой,
Чтоб на бульваре Тверском
Ждать листопад золотой?
Здесь меж тенистых аллей
Пушкин бродил иногда.
Вон он в крылатке своей
Смотрит сквозь годы сюда.
Болдинский вспомнит денек,
Что-то шепнет горячо.
Желтый кленовый листок
Тихо слетит на плечо...
Осень, любимица муз,
Осень, свершений пора...
Муза моя, я сдаюсь,
Не прогони со двора!

* * *

Годы, годы мои,
Вы как клин журавлей
Над судьбою моей,
Над землею моей.
То вас кутает ночь,
То вас солище слепит,
Только клин журавлиный
Летит и летит.
Год пройдет —
Клин растет.
То не год, то не год —
Журавленок под осень
К нему пристаёт.
И летит, и трубит
В свой серебряный рог...
Не последний ли год?
Не последний ли срок?
Где-то вскинется он
Молодым журавлем,
Кромку солища задев
Неокрепшим крылом,
И исчезнет во тьме
Навсегда, навсегда,

Чтоб в последний порядок
Сомкнулись года...
Вон уж листья с берез
Устилают поля.
Словно кружатся перья
Того журавля...

Я — МАЙЯ

Что ж мне снятся пожары былые
В красном мареве дальней зари —
Пирамиды в дыму золотые,
Вековые в огне алтари?
Нет давно уж ни инков, ни майя,
Нет космических их городов,—
Кто ж мне шепчет, что я
Понимаю
Позабитые знаки их слов?
Вы ушли, вы погибли, вы пали,
Жег вас порох, свинец вас косил.
Чужеземцы, они хохотали
У языческих ваших могил.
Сожжены и развеяны прахом
Золотые легенды веков.
Как цинично смеялись монахи
Над бессилием ваших богов!
Где он умер, последний из майя —
Жрец, провидец движенья светля?
На каком он костре, умирая,
Тайну предков с собой уносил?
На века, навсегда, в бесконечность.

От врагов, от друзей, от людей.
Почему же я вижу сквозь вечность
Дым костров, слышу ржанье коней?
Почему на вершинах Алтая
Он мне снится в дыму и огне,
Жрец последний из племени майя,
Простирающий руки ко мне?
Позади нас курганы, курганы,
Конский след да кибитки в пыли...
Сквозь века,
Сквозь легенды,
Сквозь страны
Что с собою мы в мир принесли?
Нас никто не обидит, я знаю,
Хоть и мал ты числом, мой народ,
Только снится: я — майя, я — майя,
Обжигает мне руки восход.
Только снится: курган мой случайный,
Не унесший сокровищ с собой,
Изучают, как кечуа тайну,
И лопаты звенят надо мной,
Как стихов моих блеклые строки
Кто-то бледной рукой достает...
Всходит солнце над пиком высоким.
Что скажу о тебе, мой народ?

* * *

Кружилась Земля сто лет,
Закат зажигал рассвет,
Прощально лились слова,
Потому и пропал их след.
Шло солнце над головой,
Как огненный диск золотой,
И странно светились глаза,
Извечной полны тоской.
Цветов огневой прибой
Предгорье объял собой,
И чьи-то лодыжки там,
Над красной его волной.
А след наших ног босой
Укрыла трава росой.
Звезда отвела глаза
От нашей травы почной.
Качался Алтай золотой,
Как тот караван степной —
Бредет за горой гора,
Отправившись в путь дневной.
И люди опять толпой
Зеленой идут тропой,

И, вторя словам любви,
Березы шумят листвою.
Ресницы блестят росой,
И весело нам с тобой,
И звезды, услышав нас,
Смеются над головой.
Как жизнь хороша порой!
Сердце звенит струной.
Вновь захлестнул тропу
Черсмуховый прибой...

* * *

Вот и стол мой накрыл я как мог,
Вот хрустальные кубки воздвиг.
Только свет над столом не зажег —
Мне светло от очей твоих.
Смотрит в окна луна, не таясь.
Зажигает безмолвный хрусталь.
Ах, о чем мы молчали в тот час?
Ах, в какую умчались мы даль!
Сколько счастья таил твой взгляд —
Нам хватило б на сотню лет.
Но ничто не вернешь назад —
Ближе нет нас и дальше нет...
Я смотрю на очаг ночной —
Как мне грустно и как светло!
Я, наверно, колдун душой —
Вижу все будто сквозь стекло.
Поднимаешь ты кубок свой
И в глаза мне глядишь притом.
Как нашла ты мой дом лесной?
Ты мне кажешься странным сном.
Не искатель шальных побед,
Нелюбимым я быть привык

И не ждал, что твой легкий след —
На крыльцо мое, напрямик...
Не померкла краса твоя,
Но не жжет уж меня давно.
Пьем вино с тобой — ты и я,
Торжества твоего вино.
Как и прежде, накрыт мой стол,
Скатерть снежная, кубков свет,
Но никто из друзей не пришел,
Торжества в моем доме нет.
Вечер, в печке трещат дрова,
Весь и свет, что в глазах твоих.
Не нашел я тогда слова,
А теперь уж не надо их!
Ах, как лунно мое окно —
Вон в бокал улеглась луна!
Даже жалко мне пить вино —
Пусть посветит еще она.
Точно сон мы — и я, и ты.
Берег юности в двух шагах,
Но давно сожжены мосты,
И молчу я, лишь даль в глазах.

СЧАСТЛИВА ЛИ ТЫ?

Все мы бредили тобой,
Женя Алтынай.
Больше всех — товарищ мой,
Женя Алтынай.
Как мы, скрыв свою беду,
Гордо шли порой,
Потешаясь на ходу
Над его бедой!
Как страдала ты подчас,
Женя Алтынай!
Он твоих не видел глаз,
Женя Алтынай.
И ласкал нас август всех
Солнечным лучом,
И сверкал твой звонкий смех
Золотым дождем.
Мы кунались день-деньской
В голубой реке,
Мы валялись над рекой
В золотом песке...
Где теперь твой звонкий смех,
Где теперь твой край?

Над рекою нашей снег,
Женя Алтынай.
Не сойтись на бережок,
Как нас ни скликай.
Где твой милый говорок,
Женя Алтынай?
Поезд юности ушел,
Потерялся след.
Ах, как пелось хорошо
Из окна — в рассвет!
Только вот товарищ мой —
Ревновал он все ж...
Да простит он нас с тобой,
Годы не вернешь.
Третья полка, нос к стене,
Как упрек живой...
Как все будет, знать бы мне,
Знать бы нам с тобой!
Где там дружба, где любовь —
Только гул моста.
Мы смеемся вновь и вновь,
Жизнь, как песнь, чиста!
Почему-то вспомнил вот
Этот день былой.
Сколько лет во мне живет
Милый голос твой...
Где же ты, в каком краю,
Женя Алтынай?
Где любовь нашла свою,
Женя Алтынай?
Не ревнуют больше нас,
Не таят обид...
Как в тот давний-давний час
Пусть твой смех звенит.

МОИ ЖУРАВЛИ

Журавли вы мои, журавли,
Что не слышу я в небе ваш клик?
Столько раз мне казалось с земли —
Точно бусы на нити, ваш клин.
Вы летели, трубя о весне,
Будто солнце на крыльях несли.
Ваши танцы — сравнить ли их мне
С чем-нибудь, что я знал, журавли?
Даже горы взгрустнули без вас,
Смотрят в небо озера в тоске —
Не летите ли где-то сейчас,
Не видать ли уже вдалеке?
Журавли вы мои, журавли,
Вы вернетесь в родные места.
Вы другой не найдете земли,
Где бы песня была так чиста.
Где еще вам растить журавлят?
Где летать и курлыкать легко?
Здесь и наших мы нянчим ребят,
И они улетят далеко.
Но тоска их обратно вернет!
Впрочем, кто-то и бросит Алтай.

Даже счастье, быть может, найдет
И полюбит неведомый край.
Что ж, до срока тоска не грызет
И не трогает сердца печаль.
Но когда-то Алтай позовет,
Ах, как родины будет им жаль!
Этой речки воды снеговой
Вдруг захочется выпить, как спеть...
Мы-то точно вернемся домой,
Как бы нам далеко ни лететь!
Слезы рядом живут с сединой.
Затоскуем о доме своем,
И вернемся на берег родной,
И архи¹ по бокалу нальем.
И на говор родимой земли
Отзовется вдруг сердце струной,
И заплачем, как те журавли,
Что домой прилетели весной.

¹ А р х и — молочное вино.

МАЛЕНЬКИЙ АЭРОПОРТ

Мой маленький аэропорт,
Клочок земли моей щемящий,
Вновь отправляется в полет
Мой «кукурузник» тарахтящий...

И остаешься ты пустой,
Твой долгий взгляд следит за мною,
А под крылом сосняк родной
Стоит зеленою толпою.

И как-то грустно стало вдруг,
И сердце трепетно, как птица,
Как будто просит давний друг
Меня скорее возвратиться.

Но рвутся, рвутся провода,
Меня связующие с вами.
Я слышу зов их иногда
Там, на земле, под облаками.

И так всегда: иду в полет
И грустных глаз отвести не смею,—

И новый край уже зовет,
И ты мне в сотню раз милее.

В прибое шума и огней
Видал и я аэропорты —
И блеск чванливых площадей,
И спесь дворцов, собою гордых.

Но в суете чужих широт
Мне снилась ты, родная пристань,—
Мой маленький аэропорт,
Клочок земли моей гористой.

Ты ждал, ты звал меня домой.
В родные, тихие анлы.
Неразделимы мы с тобой,
Мне без тебя нигде не мило,

Когда под отчий небосвод
Вернусь к тоске моей и боли?
Когда мой старый самолет
Затарахтит на этом поле?

Я тороплюсь к тебе, друг мой,
Едва успев с тобой проститься,—
Мне шлет вдогонку позывной
Моя алтайская столица...

И вновь внизу аэропорт,
Площадка взлетная родная,
Меня напутствует в полет,
Сосновой веточкой махая.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Высота	5
«Я их скажу, высокие слова...»	7
Сосна	10
На берегу Иша	13
Аргonautы	16
Песни комсомолок	18
«Есть сердца, что темны, как тюрьма...»	20
Сергеевна	23
Деревенская кузница	26
Месяц горного барана	28
Конь	30
Ружье	32
Речка Кальмиус	34
Сон	37
Деревья	40
В доме Урастырова	42
Чурапча	45
Дума у могилы Абая	47
Голос домбры	50
Кавказские горы	52
Монгольскому акыну Иманхану	55
Бронзовая дева	57
«Из грохочущих, дымных, больших городов...»	59

Октябрь	61
Гордое имя твое	63
Есть непонятная связь	66
Слово, сказанное людям	68
Сомнение	70
Весна	72
Алтай	74
Лето	75
Осень	79
«Годы, годы мои...»	81
Я — майя	83
«Кружилась Земля сто лет...»	85
«Вот и стол мой накрыл я как мог...»	87
Счастлива ли ты?	89
Мои журавли	91
Маленький аэропорт	93

Аржан Оинчинович Адаров

ВЫСОКАЯ ЗЕМЛЯ

М., «Советский писатель», 1977, 96 стр.
План выпуска 1977 г. № 289

Художники *В. М. Новоселова* и *А. И. Пауков*

Редактор *Г. Г. Чапчхова*
Худож. редактор *Е. Ф. Капустин*
Техн. редактор *Е. Ф. Капустин*
Корректор *М. Б. Шварц*

ИБ № 478

Сдано в набор 20/XII 1976 г. Подписано к печати
24/V 1977г. А09776. Формат 70×108¹/₃₂.
Бумага тип. № 1. Печ. л. 3. Усл. печ. л. 4,2.
Уч.-изд. л.2,96. Тираж 10 000 экз. Заказ № 15915.
Цена 33 коп. Издательство «Советский писа-
тель», Москва Г-69, ул. Воровского, 11.
Тип. изд-ва «Коммунар», ул. Ф. Энгельса, 150

12. 2001

